

Часть первая

ПЕПЕЛ И ПЕСОК

Не было еще ни одного великого
ума без примеси безумия.

Аристотель

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ И ПЕСОК

5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИЗГОИ

309

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БОГИ И КОРОЛИ

623

ЭПИЛОГ

879

ЗАМЕТКА ОТ АВТОРА

890

БЛАГОДАРНОСТИ

891

1

ХОЛОДНАЯ, ТЕМНАЯ МЕСТНОСТЬ. 423 ГОД Г. Э. (ГАЛЬДРИЙСКОЙ ЭРЫ)

Рока посмотрел на тело убитого им мальчика, и в животе заурчало. Несмотря на риск, он развел небольшой костер, отсек своим самым острым ножом плоть с конечностей и положил ее в железный котелок с тимьяном. Добавил целиком сердце, посолив воду из бурдюка, и срезал щеки, чтобы приготовить их на палочках. Закрыв глаза и принялся жевать, чувствуя, как тепло и соки успокаивают желудок.

Не по плану, подумал Рока, но мясо есть мясо.

Продвигаясь все дальше и дальше на Север через страну пепла, он ожидал больше хлеба для кражи, больше зверей для охоты. Он думал, что северная теплая погода будет благоприятна для многочисленных стад и богатых путников на проселочных дорогах. Но обнаружил лишь хорошо охраняемые караваны и пахотные угодья — или изгоев без еды и матерей. Это всегда были мальчишки, подростки или младше, уродливые или нежеланные, без серебра и припасов. Мальчишки точь-в-точь как он.

Трава вокруг его больных огрубевших ступней в изношенных ботинках стала желто-коричневой, когда

лето сменила осень. Рока пережил еще один сезон в добром здравии, но знал, что должен двигаться дальше на Север, иначе замерзнет. Близилась зима. Он помешал варево и поежился, когда холодный ветерок пробрался сквозь покрытую слоем грязи одежду. Он смотрел на заснеженные холмы, что простирались впереди и позади, немые и спокойные, если не считать шума ветра. Его взгляд скользнул к телу мальчика.

Интересно, где он родился и кто была его мать?

Роке никогда не удавалось прогнать возникшие мысли.

Любила ли этого мальчика мать? А может, она умерла при родах? Или опухший уродливый лоскут кожи на лбу новорожденного превратил ее радость в страх и отвращение? Может, ей просто нужно было кормить слишком много ртов. *Думала ли она, что у него будет больше шансов выжить одному, в степи? Или проще было не видеть, как он умрет?*

Холодность подобных мыслей больше не смущала Року, хотя он знал, что в младенчестве грезил только о молоке, тепле и любви своей матери. Он знал, поскольку помнил.

Каким-то образом он все еще мог закрыть глаза и ощутить багровую теплую пещерку материнской утробы. Почувствовать, как его тянут мозолистые ладони повитухи, и увидеть ее широко раскрытые, бегающие глаза — и как дернулась родинка на ее щеке, когда она вытащила его, мокрого и тихого уродца, смотрящего в упор.

— Он жив? Что случилось?

— Да, госпожа... он просто... не плачет.

Женщина, которую он скоро назовет матерью, обмякла на меховой постели, и Рока по-прежнему мог видеть ее вспотевшее лицо.

— Значит, мальчик. Приведи мою родню. Он получит имя своего деда.

В то время слова были для Роки бессмысленными звуками, но позже он вспомнит и поймет. Его мать, Бэйла, прижала его к себе и убрала с его лба мягкие окровавленные волосы, и, хотя младенец решил, что мир холодный, яркий и громкий, он все-таки чувствовал себя в безопасности.

— Мой сын, — сказала она улыбаясь, и никогда, ни разу, не взглянула на него как на чудовище.

Затем он услышал крики. Таращились, затем исчезали сердитые лица, и вскоре он глядел вверх на бесконечные ночи и голубые небеса, лежа в сильных руках своей матери, чувствовал тепло молока из ее груди и задышался от жара, когда она окуривала его дымом.

Восход за восходом Бэйла шла с сыном, завернутым в грубую ткань, которая натирала его кожу до красных пятен. Он мало что видел и ощущал только голод и холод, все время холод, пока они не остановились и не остались в какой-то ветхой лачуге у огромных, широких деревьев, которые, узнал он позже, назывались елями.

Жизнь стала бесконечным циклом смены пеленок и кормлений, только со звуками леса, тлеющими кострами и голосом матери. Ее голос был единственным, что казалось реальным в этом мире. Малютка улыбался и агукал, а она обнимала его и болтала за них обоих, пока он постепенно учил слова.

— Мама, что за звук?

Речь он уже понимал, но не мог произносить звуки, затем ждал, пока не обрел уверенность.

Бэйла вздрогнула и уронила шитье, буравя сына взглядом, словно тот стал незнакомцем, которого ей предстояло оценить. Она сглотнула и подняла руку в воздух — позже мальчик узнал в этом жесте знак Брэй.

— Волк. Это... волчий вой, дитя. Бояться нечего.

Малютка улыбнулся, и вскоре плечи матери ослабились, она улыбнулась в ответ, и он снова стал ее сыном. Впоследствии каждый день стал разговорами с тысячько вопросов, которые Рока прежде держал в себе, не умея их задать, и иногда еще до захода солнца мать приказывала ему замолчать и «просто лечь спать».

Прошли месяцы. Рока достаточно окреп, чтобы ползать, а вскоре и ходить, и мать хлопала в ладоши и отпускала Року бродить по лачуге, хотя иногда от этого болели его ладони и колени. Мать научила его, что у слов есть и символы, используя старый сборник историй. Однажды она показала символ и захлопнула книгу, затем нарисовала такой же на земле и спросила сына, что тот означает.

«Пепел? — Он воспроизвел открытую книгу в уме, и мать с плачем подхватила Року и закружила. — Я ошибся?» Встревоженно — хотя ему нравилось кружиться — он коснулся ее щек, и она сказала: «Нет, дитя, это слезы радости. Ты не ошибся. Не ошибся».

Когда он достаточно подрос, то помогал ей собирать коренья и хворост, если было не слишком холодно, и она учила его магии растений.

— Как они живут зимой, мама?

Закрыв глаза, он до сих пор мог видеть ее полнозубую, с характерным прищуром, улыбку — предназначенную, как он узнал, только ему.

— Они спят под землей. А когда приходит весна и высоко на Востоке встает яркое солнце, а в почву струится тепло, они пробуждаются вновь.

Малыш Рока обдумал это и нахмурился.

— Почему так не делаем мы?

Она усмехнулась, что всегда заставляло смеяться и его.

— Мне бы хотелось этого. А теперь идем, пока мы не замерзли. Принеси ведра.

Когда Рока подросток достаточно, чтобы путешествовать, они покинули жалкую лачугу и клочок леса, вновь двинулись на Юг и, наконец, поселились рядом с промерзлым городком под названием Хальброн, у леса, который люди боялись пересекать.

— Там злые духи, — объяснила мать, хотя мальчику не доводилось их ни видеть, ни даже слышать. Их с мамой новое — и последнее — жилище стояло вдали от озера или реки, далеко от дороги или места собраний: старый, щелястый фермерский дом со стенами, слишком тонкими даже для амбара. Но в сравнении с лачугой, где Рока провел младенчество, это жилье казалось роскошью.

— **М**ы идем к реке. Ты запачкался.
Рока пережил свою седьмую зиму и, назло стуже, прыгал во все весенние озерца и лужи, какие только мог найти, радуясь каждому всплеску и хлопанью. Мать сперва рассердилась, но

засмеялась, когда он состроил гримасу и попытался выжать штаны.

В теплом свете послеполуденного солнца мир казался безопасным, а Рока никогда не был в реке, поэтому по пути обегал мать кругами, задавая вопросы — уже раздетый, за исключением ботинок и набедренной повязки:

- Вода будет теплой?
- Нет, Рока.
- Можно мне зайти полностью?
- Только до колен.
- А другие дети будут?

Бэйла нахмурилась в ответ, и после долгой ходьбы они добрались до раскисших, оттаивающих берегов реки Флит — как сказала Бэйла, это южное слово и означало всего-навсего реку.

— Так ее зовут «река Река»? Это глупо. — Мать улыбнулась, он пожал плечами и бросился вниз по берегу, как Эгиль Кровавый Кулак в одном из рассказов, намеренный убить какого-нибудь монстра, прежде чем помыться.

- Будь осторожен.

Рока подбежал к самой кромке, увидел плывущие в быстром течении куски льда — и уже в семь лет знал, что здесь надо остерегаться. Он снял ботинки и ощутил прохладу травы, окуная пальцы ног, пока мать стирала одежду и наполняла мехи, постоянно поглядывая в сторону сына.

Река и впрямь была такой холодной, что обжигала. Он мог отчасти видеть сквозь толщу воды и восхитился миром внизу: плоские гладкие камни, с виду отполированные не хуже стола в его доме; каплевид-

ные стаи крошечных рыбок или, возможно, лягушек. Дрожа, он попробовал быстренько вымыться, брызгая водой на грудь и оттирая грязь, чтобы не погружать ноги еще глубже. Наполовину чистый, он хмуро оглянулся на мать, надеясь, что этим она и удовольствуется.

Но она смотрела в сторону, плотно сжав челюсти и неподвижно сцепив руки в холодной воде, словно забыв, что делала. Рока проследил за ее взглядом.

— Здравия, сестра.

Из тумана появилась женщина; она произносила звуки рублено и невнятно, так что вышло больше похоже на «дравья, 'стра». Роке почти не доводилось видеть женщин, и он затруднялся определить ее возраст, хотя выглядела она не старше Бэйлы. Ее лицо покраснелось, а голова подрагивала от усилий, с какими она тащила корзины, доверху полные одежды.

Четверо почти одинаково одетых женщин шли позади, болтая и смеясь. Подобно Бэйле, они носили платья поверх длинных сорочек — и с дружелюбным видом улыбались.

— Славный день для стирки, — сказала одна из них, на что Бэйла ответила лишь сдержанным кивком.

— Что угодно, чтоб отдохнуть от стрижки шерсти, — сказала другая, и женщины рассмеялись.

У реки они принялись за свою работу, напевая и болтая без особого любопытства, а мальчик стоял неподвижно и глазел.

За свою жизнь он видел лишь горстку людей. Он вспомнил, как подумал тогда, что эти женщины так похожи на его мать — и все же, невесть почему, совершенно иные.

Их одежда более свободно висела на тощих телах, ноги и шеи казались короткими, приземистыми, а бледная кожа блестела, как снег на солнце. Они чистили свои шмотки камнями, отскребая запекшуюся грязь и копать. У них не было ни мыла, ни тупого железного ножа, которым скоблила Бэйла.

Принявшись за работу всерьез, они начали переговариваться и осматриваться. Их взгляды, хоть и робко, подкрались к Бэйле, задержавшись на ее лице, волосах и одежде, прежде чем обратиться на реку. Их голоса разом смолкли. Одна из женщин ахнула.

Рока ощутил их взгляды на себе и не знал, что делать. Он опять умыл лицо, но не отвел глаза. Женщины глазели на него в ответ. Они изобразили в воздухе те же символы, что и его мать, когда он впервые заговорил. *Знак Брэй — богини жизни.* Он так и не знал почему.

— Демон оттепели, — пробормотала женщина, которая первой поздоровалась с Бэйлой, жестом веля ей отступить, словно пытаясь защитить.

Рока шархнулся, подняв волну, и чуть не споткнулся, озираясь в поисках демона.

Лицо матери порозовело:

— Это мой сын.

Взгляды неподвижных женщин перескакивали с Роки на Бэйлу, с Бэйлы на Року, туда-сюда.

— Подойди и поприветствуй этих матушек должным образом, как тебе показывали. — Тон Бэйлы казался спокойным, так что Рока приблизился без страха. Он шагал по илистому берегу, с опущенной головой обходя камни, вся радость от встречи с рекой испарилась: ему не нравилось быть в центре внимания.

